фразы изъяснительного типа: «Ужасно любопытно: уважала ли она меня? Я не знаю, презирала ли она меня или нет? Не думаю, чтоб презирала. Странно ужасно: почему мне ни разу не пришло в голову, во всю зиму, что она меня презирает?» (473). Рассуждения же в повествовательном типе речи носят в принципе подчиненный, комментирующий характер, что выражается в синтаксической несамостоятельности соответствующих речевых отрезков. Несамостоятельность эта проявляется на уровне как «мелких» синтаксических построений — фраз, так и более крупных единиц текста. Вот фразы повествовательного типа с присоединенными, «прибавленными» к ним элементами рассуждений, размышлений: «...приданое сделал я, потому что кто же бы ей что сделал?» (451); «Я все молчал, и особенно, особенно с ней молчал, до самого вчерашнего дня,— почему молчал? А как гордый человек» (452).

Следующий после композиционного расчленения текста анализ собственно синтаксиса каждого из основных его речевых типов, а также каждого из внутренних подразделений данного речевого типа раскрывает во многих случаях характерные черты синтаксиса, с одной стороны, коммуникативно-обязательного и, с другой стороны, синтаксиса «художественного», обусловленного образной установкой автора и индивидуальной стилевой специфичностью его «почерка». Свое полное оправдание находят здесь, таким образом, слова В. В. Виноградова: «Поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из нее, но воздвигает над ней подчиненный... закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений» [9].

Коммуникативно-обязательный синтаксис композиционных частей текста — это синтаксис, соответствующий функциональному назначению данного типа речи в плане «социально-общего» (выражение В. В. Виноградова) употребления языка. Это тот синтаксис, который, если применить именно к синтаксису мысль В. В. Виноградова о разных этапах анализа «оболочек структуры» художественного произведения [10], «уже не обнаруживает в своей семантике структурных свойств целого, отношений к его смыслу» и который является лишь «социальным субстратом личностного творчества» [11]. В основе каждого речевого типа или подтипа: повествования, рассуждений, описания интерьера, портретных зарисовок, сентенций, диалогов и т. п.— лежит в тексте «Кроткой» свойственный ему «обязательный» синтаксис. Так, для повествовательных отрезков текста «Кроткой», как и для повествования «вообще», характерны цепи последовательно сменяющих друг друга глагольных фраз, при этом конституирующую роль выполняют здесь разные типы сочетаний и комбинаций видо-временных форм глагольных сказуемых: прошедшего совершенного, прошедшего несовершенного, исторического настоящего и — «временных» лексических или союзных средств. Например: «На завтра тоже с утра ушла, на послезавтра опять. Я запер кассу и направился

---

[9] Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 155. Ср. также: «...поэтическое слово двупланно: соотносясь со словесной системой общего языка, материально как бы совпадая с ее элементами, оно в то же время по своим внутренним поэтическим формам, по своему поэтическому смыслу и содержанию направлено к символической структуре литературно-художественного произведения в целом». Виноградов В. В. О теории художественной речи, стр. 6. Ср. раннюю, относящуюся к 20-м годам, формулировку В. В. Виноградовым той же мысли: «Она (художественная проза.— *Е. И.*) может ориентироваться на те виды монолога — письменного и устного, которые известны из социальной практики речевых взаимодействий или из уставов быта, но всегда подвергает их деформации, подчиненной разным художественным тенденциям литературных жанров и школ». Виноградов В. В. О художественной прозе, стр. 37.

[10] Ср. «Художественное произведение рассматривается как единоцелостная форма, как символ, смысловые разрешения которого трансфинитны, но замкнуты в строго очерченную сферу». Виноградов В. В. О художественной прозе, стр. 67.

[11] Виноградов В. В. О художественной прозе, стр. 68.